

УДК 81'04; 81'42
DOI: 10.17223/19986645/72/4

О.Н. Кондратьева

**СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО)¹**

Предлагаемая статья представляет собой опыт лингвистического рассмотрения проблемы легитимизации в историческом ракурсе. Описаны особенности реализации легитимизирующих стратегий, выделенных Т. ван Левеном, в посланиях Ивана Грозного. Установлено, что главной специфической особенностью всех используемых первым российским царем стратегий является их религиозное наполнение, что свидетельствует о формировании особого типа легитимизации – «сакральной легитимизации».

Ключевые слова: легитимизация, стратегии легитимизации, коммуникативные стратегии, древнерусская публицистика, Иван Грозный

Введение

Проблема легитимности существует столько же, сколько и сама публичная власть, и хотя институт власти на протяжении веков значительно «трансформировался, принимая все новые и новые формы и постоянно нуждаясь в новых обоснованиях и объяснениях» [1. С. 3], во все времена неизменным оставалось стремление любой власти доказать, во-первых, что власть необходима, а во-вторых, что она необходима именно в том виде, в каком существует. Благодаря этому вопросы легитимности и легитимизации власти традиционно находились в фокусе исследовательского внимания политологов, социологов, историков, а с относительно недавних пор и лингвистов.

Представители гуманитарных наук сосредоточены на определении самого феномена легитимности, на выявлении основных ее факторов, анализе механизмов легитимизации в разных лингвокультурах и на разных этапах развития общества (см., например, работы К.Ф. Завершинского [2], Н.Ф. Пономарева [3], А.В. Скорнякова [4], А.А. Чупиной [5] и др.). В итоге на современном этапе под легитимностью понимается «способность поддерживать веру граждан в то, что существующие институты максимально соответствуют их интересам, а также морально оправданное право власти использовать силу по отношению к гражданам» [4. С. 7], а под легитимизацией – «подтверждение законности прав и полномочий физических и юридических лиц» [6].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Всплеск интереса к проблемам законности власти и правомерности политических решений в лингвистике связан с развитием дискурс-анализа. Дискурс-аналитики квалифицировали легитимизацию как разновидность дискурсивной стратегии, заключающейся в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности (см. P. Cap [7], N. Fairclough [8], E. Vaara, J. Tienari [9], А.В. Колмогорова [10] и др.). Таким образом, исследования лингвистов ориентированы на изучение стратегий и тактик, посредством которых подтверждается законность прав и полномочий различных субъектов и общественных институтов в разных видах дискурса (политическом, медийном, рекламном и др.), и на анализ риторических приемов и языковых средств, реализующих соответствующие стратегии и тактики.

Объектами внимания зарубежных исследователей становились особенности легитимизации политической власти в Китае [11], политических протестов против Х. Мубарака в Египте в [12], новой системы учета расходов государственными денежными средствами в Италии [13], автократии в университетской среде Марокко [14], политической деятельности кандидатов в президенты США [15]. Работы российских исследователей были посвящены анализу легитимизации ситуации в Сирии [16–18], позиции Евросоюза и США в сирийском конфликте [19], политических и экономических санкций против России [20], событий в Венесуэле в январе 2019 г. [21], выборов президента Российской Федерации 2018 г. [22], однополых браков [23].

Как видно из приведенного выше краткого обзора, выбор лингвистами объектов исследований подтверждает тезис о том, что механизмы легитимизации приобретают особую значимость в периоды политических противоречий и кризисов, поскольку именно в такие моменты правителю / политику необходимо доказать свое право на власть и принимаемые решения [24. P. 3; 17. С. 41 и др.].

Также представленный обзор позволяет увидеть, что все лингвистические исследования легитимизации выполнены на современном материале, в то время как вполне очевидно, что «избираемый и культивируемый формат языковой «упаковки» информации для завоевания и удержания власти имеет специфический набор семантико-стилистических и риторических признаков, комплекс которых идентифицирует власть и её представителей **в определённое** время и на **определённом** уровне властных полномочий (выделено нами. – *О.К.*)» [25. С. 11]. Соответственно, необходимо изучить особенности реализации и языкового воплощения стратегии легитимизации в разные исторические эпохи. Однако до недавнего времени исследования подобного плана выполнялись преимущественно политологами и историками, а не лингвистами (см. [4, 26, 27] и др.).

Материал исследования

Предлагаемая статья представляет собой опыт лингвистического рассмотрения проблемы легитимизации в историческом ракурсе. В качестве

материала исследования использованы послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому, шведскому королю Юхану III, польскому королю Стефану Баторию, английской королеве Елизавете I [28].

Выбор для исследования публицистического наследия Ивана Грозного объясняется определяющей ролью первого российского царя в формировании российской государственности и в обосновании как ее легитимности, так и собственного права на престол и на принятие политических решений (см. подробнее, например, в работе И.А. Толчева [29]). С.М. Соловьев отметил, что «Иоанн IV был первым русским царем не потому только, что первым принял царский титул, но потому, что первым осознал вполне все значение царской власти, первым составил сам, так сказать, ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически» [30. С. 432–433]. Таким образом, хотя первые опыты легитимизации присутствовали в произведениях Владимира Мономаха, Даниила Заточника, Иосифа Волоцкого и других древнерусских авторов, именно Ивану Грозному принадлежат развернутые и аргументированные произведения, посвященные обоснованию законности собственной власти и принимаемых им единолично политических решений, соответственно, анализ избираемых им стратегий и тактик и реализующих их языковых средств является важным шагом в изучении истории механизмов легитимизации.

Результаты исследования и их обсуждение

В зависимости от объекта традиционно различают легитимизацию 1) власти как института; 2) политического режима; 3) конкретного органа власти; 4) политического курса [4. С. 7]. В посланиях Ивана Грозного легитимизации подвергается власть, в частности постулируется ее божественная природа, и вытекающее из этого право правителя на единоличное управление государством (*единовластие*), его политический курс и морально оправданное право царя использовать силу по отношению к подданным, обусловленное его ответственностью перед Богом за подданных, что давало Грозному, по его мнению, право жестоко карать зло, поражать грешников подобно Божьей грозе.

Легитимизация любого объекта как макростратегия осуществляется через ряд дискурсивных стратегий, описанных в зарубежных исследованиях (см., например, работы Т. van Leeuwen [31], А. Reyes [32]). Разработанные названными авторами классификации дискурсивных стратегий активно используются российскими исследователями при изучении особенностей обоснования правового статуса как власти в целом, так и ее отдельных проявлений (см., например, работы А.В. Колмогоровой [23], И.В. Савельевой [21] и др.). Наибольшую известность получила типология легитимизирующих стратегий Т. Левена, выделившего четыре основных способа обоснования законности и правомерности своих действий: 1) ссылка на авторитет; 2) этическая оценка; 3) рационализация; 4) мифопоэтика [31]. Рассмотрим реализацию названных стратегий в произведениях Ивана Васильевича Грозного.

I. Ссылка на авторитет. Данная стратегия предполагает легитимизацию через обращение к традиции, обычаю, закону, лицам, представляющим институционную власть. Тип авторитета, к которому апеллирует актер, определяет выявление частных субстратегий.

1.1. Субстратегия *«Апелляция к авторитету предков»* является, на наш взгляд, модификацией выделенной Т. Левеном субстратегии *«Апелляция к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и особую значимую роль в обществе»* и в то же время представляет собой логическое продолжение распространенной на Руси концепции «династической легитимности» (см. подробнее, например, в статье А.А. Иванова [33]), основанной на идее преемственности власти.

Аргументируя свое право на власть, подтверждая ее законность, Иван Грозный в качестве несомненных авторитетных личностей приводит имена своих предков, наиболее уважаемых на Руси. В их число входят князь Владимир, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, а также его дед и отец – великие князья Иоанн и Василий. Перечисляя имена своих предшественников, первый русский царь называет и их заслуги: *Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствя самодержавство Божимъ изволениемъ почень от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимишу, и храбраго великого государя Александра Невскаго, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия, иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго... (Курб., 1).*

Вписывая свое имя в ряд правителей, добившихся серьезных успехов на государственном поприще и высоко почитаемых (большая часть из них причислена к лику святых), Иван Грозный не только подчеркивает законность собственного пребывания на престоле, но и отождествляет себя с ними, подчеркивает свои способности к управлению государством.

Обращение к авторитету предков является для Ивана Грозного регулярным, на языковом уровне рассматриваемая субстратегия реализуется посредством языковых маркеров *прародители, родители, батюшка, отец, дѣд*, а также посредством указания конкретных имен и прозвищ (как, например, это было в приведенном выше примере): *От прародителей нашихъ данную намъ власть от насъ отъяша... (Курб., 1); понеже бо Русская земля правится Божимъ милосердиемъ... и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже ипаты и стратиги (Курб., 1); Народилься есми Божимъ изволениемъ на царстве, и не мню того, какъ меня батюшка пожаловаль благословиль государствомъ, да и взросъ есми на государстве (Курб., 1).*

Аналогичным образом Иван Грозный подтверждает свое право на захват чужих территорий и на жестокость в отношении подданных, указывая, что и предки его всегда стояли на страже интересов страны и жестоко наказывали провинившихся: *Аще бы и кристяне были в тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по*

прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многажды случилось; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть християнъ (Курб., 1).

1.2. Субстратегия «Апелляция к авторитету Бога» представляет собой модификацию субстратегии «Апелляция к авторитету эксперта», ее появление и регулярное использование определяется религиозным характером древнерусской культуры и признанием особой роли Бога как творца мира и верховного Судьи, выносящего объективную и справедливую оценку правомерности всех поступков любого христианина, как обычного верующего, так и российского самодержца.

Языковыми маркерами данной субстратегии являются лексемы *Бог, Христос, Спас, Отец, Святой Дух: Се по твоему разуму «нечестие», еже от Бога данны намъ власти самѣмъ владѣти и не восхотѣхомъ подо властию быти попа и вашего злодѣяния?* (Курб., 1); *Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго вся земли конца Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже со Отцемъ и Святымъ Духомъ во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи намъ удержати скифетры Російского царьства* (Курб., 2).

Активно применяет Иван Грозный апелляцию к Богу для обоснования законности своей власти и правомерности своих поступков в посланиях к польскому правителю Стефану Баторию, используя при этом прием контраста: регулярно отмечается, что самому Грозному власть дана Богом и правит его род со времен Рюрика, в то время как правление Батория началось «вчера» и обязан тот своим статусом людям, избравшим его, а не Богу, что ставит под сомнение легитимность действий польского правителя: *Намъ всемогущая десница Божия дала государство, а от человекъ никто же, и Божиею десницею и милостию владѣемъ своимъ государствомъ сами, а не от человекъ приемлемъ государство* (Батор., 1); *мы, смиренный, Иванъ Васильевичъ, сподобихомся носитель быти крестноносные хоругви и креста Христова Російскаго царства и иныхъ многихъ государствъ и царствъ и скифетродержатель великихъ государствъ, царь и великий князь всеа Русии <...> по Божиему изволенью, а не по многмятежному человечеству хотѣнию, Стефану, Божьею милостию королю Полскому* (Батор., 2).

1.3. Субстратегия «Апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы, закона». Специфика реализации названной субстратегии в посланиях Ивана Грозного также проявляется в их религиозном колорите. Если в Новое время доминирует апелляция к институту правосудия и к юридическим законам, то Грозный апеллирует к институту Церкви, а основным законом для него является закон Божий. Показательно, что в обосновании законности своей власти и своих решений первый русский царь совершенно не дает отсылку к правовым документам (будь то древнейший свод законов Русская Правда или созданный в его эпоху «Судебник»), но регулярно ссылается на текст Священного Писания как на главный закон, в соответствии с которым он и выстраивает свою деятельность правителя.

Языковыми маркерами анализируемой субстратегии являются номинации *Святое Писание*, *Божественное Писание*, а также имя *Христа* и имена *апостолов* (в особенности – апостола Павла): **Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противитися, а работъ господиямъ кромѣ вѣры** (Курб., 1); **Господу нашему Иисусу Христу глаголющу: «Аще царство само на ся разделится, то не можетъ стоять царство то»**. *Како же можетъ бранная люте понести противу врага, аще междоусобными бранми растлится царство?* (Курб., 1); **Якоже рече апостоль: «Овехъ убо милуйте разсуждающе, овехъ же страхомъ спасайте, от огня восхищающе»**. **Видиши ли, яко апостоль страхомъ повелѣваетъ спасти?** *Тако же и во благочестивыхъ царѣхъ и временехъ много обрящеша злѣйшее мучение* (Курб., 1). Как видно из приведенных примеров, подобный способ легитимизации используется не только для обоснования права на престол и единоначальной царской власти, но и для обоснования жестокости в отношении своих подданных.

1.4. Субстратегия *«Апелляция к авторитету традиции»*. Сущность названной субстратегии проявляется в развитии тезиса «это правильно, потому что мы так всегда делали». Для патриархальной Руси уважение к традиции, существовавшей многие века, было одной из констант национальной ментальности и находилось в тесной взаимосвязи с уважением к авторитету предков, которыми эти традиции были заведены и длительное время поддерживались.

Языковыми маркерами субстратегии являются лексемы и сочетания лексем с темпоральной семантикой, указывающие на длительность существования традиции, а также на повторяемость событий – *издавна, изначально, доселе, от роду, по обычаю, во времена благочестивейших царей, прежде, многожды, всегда, постоянно* и др.: **А Российское самодержавство означала сами владѣютъ своими государствами** (Курб., 1); *...и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаю яко же и прежде сего многожды случилось* (Курб., 1); **Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но волны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися с ними ни передъ кѣмъ** (Курб., 1).

Для обоснования легитимности царской власти Иван Грозный также использует указание на конкретные годы, с которых начинает править и принимать управленческие решения династия Рюриковичей, кроме того, царь выстраивает связи своего рода с древнейшими правителями, например кесарем Августом, тем самым углубляя в прошлое традицию русской власти. Наиболее активно этот прием он использует в посланиях правителям других стран (Польши и Швеции), укрепляя тем самым свои позиции: **мы от Августа кесаря родствомъ ведемся, а ты усужаешь намъ то противно Богу – что намъ Богъ дал, и ты и то у насъ отнимаешь; мало тебѣ насъ укарять, и ты на Бога уста разверзь** (Юхан., 2); **И ты по тому ли намъ великъ хочешь быти, что насъ отчитаешь от Августа кесаря?...** *Намъ всемогий Богъ благоволил во всемъ роду! Государствуемъ от великаго Рюрика 717 лѣтъ, а ты вчера на такомъ великомъ государстве* (Батор., 1).

1.5. Субстратегия «Апелляция к авторитету «большинства». Логика этой субстратегии заключается в том, что «это правильно, поскольку все так делают». Широта распространения традиции, ее повсеместность и, как следствие, легитимность, на языковом уровне реализуется за счет лексем с семантикой множества, а также за счет использования лексики, указывающей на широкое территориальное распространение традиции: *всье, везде, во всех странах, в иных странах, во всех землях, во всей вселенной* и т.д.: *а еже о измѣнахъ и чародѣйстве воспомянулъ еси, ино такихъ собакъ вездѣ казнятъ* (Курб., 1); *А всеродно васъ не погубляемъ, а измѣнникомъ бо вездѣ казнь и опала живетъ: в кою землю поѣхалъ еси, тамо о семь страннѣйшие явленна увѣси* (Курб., 1); *А в ыныхъ земляхъ самъ узриши, елика содеваются злымъ злая – тамъ не по здѣшнему. То вы своимъ злобеснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любити, а в ыныхъ земляхъ израдець не любятъ и казнятъ, да тѣмъ и утверждаются* (Курб., 1).

2. Стратегия этической оценки предполагает обоснование законности власти и правомерности политических решений посредством обращения к моральным ценностям, реализуется оценочно нагруженной лексикой, апеллирующей к этическим концептам, а также через оценочные интерпретации, в итоге объект легитимизации характеризуется согласно шкале «хорошо – плохо».

Моральная (нравственная) оценка – это одобрение или осуждение деятельности человека с позиций тех требований, которые содержатся в моральном сознании общества, этнической группы, социальной общности людей, тех или иных личностей. К главным нравственным ценностям у всех народов относятся честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм. В христианстве, как и в большинстве религий, высшие нравственные ценности связываются с верой в Бога и его почитанием. Использование рассматриваемой стратегии позволяет оценивать все соответствующее нравственным нормам как легитимное, а несоответствующее им – как нелегитимное.

2.1. «Оценочная» субстратегия реализуется посредством прилагательных, в семантике которых содержится оценочный компонент, – *истинный, должный, правильный* и т.д. Значимой в этом отношении является квалификация Иваном Грозным собственных поступков и решений как обусловленных истинной верой в истинного Бога и своей ответственностью перед его лицом за всех христиан: *А еже убо насъ «во православие и во пресвѣтлыхъ явившася» написалъ еси, и сие убо тако и есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрую истинною, Богу живу и истинну* (Курб., 1).

Собственные поступки на благо государства Грозный интерпретирует не как нечто выдающееся, а как обычные для правителя, ключевым в этом отношении является понятие царского долга: *Ни о чесомъ же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордѣния желаю, понеже убо свое царское содеваю и выше себе ничтоже творю. Паче убо вы гордитесь дмящися, понеже раби суще святителский санъ и царский восхищаете, учаще, и запрецающе, и повелевающе* (Курб., 1).

В древнерусской культуре оценочная субстратегия реализуется на языковом уровне не только с помощью эксплицитных оценок, но и оценок имплицитных, основанных на частных оппозициях «православный – языческий», «праведный – греховный» и «взрослый – детский», в которых первый компонент положительно маркирован, а второй – отрицательно, соответственно, первый расценивается как показатель легитимности, второй – как знак нелегитимности.

Иван Грозный, формирующий представление о своей власти как о данной Богом, последовательно позиционирует себя как истинного христианина, болеющего за собственную душу и отвечающую за души своих подданных, при этом осознающего собственное несовершенство и готового за него ответить (но только перед Богом, и ни перед кем иным). Самоуверенность князя Курбского, его уверенность в собственной непогрешимости Грозный рассматривает как проявления греховности и даже ереси, тем самым делегитимизируя его поступки и подводя правовой фундамент под свои решения.

Языковыми маркерами данной субстратегии выступают прилагательные *православный, христианский, божий, священный* применительно к власти и поступкам Ивана Грозного, а прилагательные *безбожный, языцкий, варварский, бесовский* характеризуют его идеологических противников: *Сего православнаго истиннаго христианского самодержавства, многими владычества владѣющаго, повелѣния, нашъ же христианский смиренный отвѣтъ ... отступшему божественнаго иконнаго поклонения и поправшему вся священная повелѣния, – князю Андрею Михайловичю Курбскому* (Курб., 1); *А о безбожныхъ языцехъ, что и глаголати! Понеже тѣ всѣ царствию своими не владѣютъ: какъ имъ повелѣть работные ихъ, тако и владѣютъ. А Российское самодержавство изначала сами владѣютъ своими государствами, а не бояре и велможи!* (Курб., 1).

Одним из языковых маркеров нелегитимности поступков князя Курбского становится номинация *новацкая ересь*: *И сие убо новацкое и фарисейское мудрствуеши: наватское убо, еже выше естества человеческого велиши человекомъ быти, фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелеваеши творити* (Курб., 1).

Оппозиция «взрослый – детский» репрезентируется языковыми маркерами *дѣти, дѣтский, лѣта* (года), *младенец, младоумный, немощный*, а также с помощью лексем, указывающих на «детскую» пищу (*млѣко*): *понеже убо до конца не вѣсте христианского мнишеского устава, како подобаетъ наставникомъ покарятися, понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лѣта ради, и понеже бысте требующи млѣка, а не крѣпки пици, сего ради тако сия глаголетъ* (Курб., 1); *Ино се ли «сопротивно разуму», еже не восхотѣхомъ в совершенномъ возрасте младенцемъ быти* (Курб., 1).

Иван Грозный подчеркивает детскую неразумность и детскую страшливость своих оппонентов, отмечая при этом, что, будучи по эмоциям и разуму сами детьми, они и его воспринимают как ребенка, нуждающегося в

детской пище и в руководстве учителя, в то время как он является взрослым и в руководстве не нуждается, поэтому вполне способен сам принимать решения и имеет на это полное право. Естественно, что дети, в отличие от взрослых, с точки зрения закона недееспособны, поэтому оценочная квалификация идеологических противников как детей, а себя как взрослого человека позволяет царю аргументировать правомерность принимаемых им самостоятельно решений и является важным средством легитимизации.

2.2. *Субстратегия «Абстрагирование»*, при которой оценка объекта легитимизации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции. В посланиях Ивана Грозного абстрагирование проявляется в подведении авторитета царской власти под божественный авторитет, так как власть царя имеет божественное происхождение.

Названная субстратегия достаточно близка к субстратегии «Апелляция к авторитету Бога». Но при апелляции право на власть просто подкрепляется ссылкой на ее одобрение Всевышним, а при абстрагировании происходит полное отождествление власти правителя и власти Бога, поэтому несогласие с властью Грозного или его решениями приравнивается российским самодержцем к преступлению перед Богом и перед верой, т.е. к вероотступничеству: *Смотри же сего и разумѣй, яко противляйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, – сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрѣшение* (Курб., 1); *тѣмъ же наипаче противляйся власти Богу противится* (Курб., 1); *возъярився на челоуѣка и Богу прираститися; ино бо челоуѣческо есть, аще перфиру носить, ино же Божественно есть* (Курб., 1). Любая попытка «...хоть как-то ограничить его власть рассматривалась им как нарушение Божьего установления, которое необходимо пресечь любыми средствами, вплоть до самых жестоких» [34. С. 6]. Поэтому и поведение князя Курбского расценивается царем не просто как государственная измена, а как преступление перед Богом, попрание православия.

Соответственно, языковыми маркерами данной субстратегии являются лексемы, характеризующие политического оппонента, *крестопреступник* и *клятвопреступник*, тем самым дается оценка его поведения и делегитимизируются выдвинутые им обвинения: *нашь же христианский смиренный отвѣтъ... крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христианскому... князю Андрею Михайловичю Курбскому* (Курб., 1); *нашь же отвергшиеся, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, на нашь многообразными виды всюду сѣти поляцающе...* (Курб., 1).

2.3. *Субстратегия «Аналогия»*, призванная обосновать необходимость приятия объекта легитимизации, «потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению» [23. С. 103]. Данная субстратегия практически не используется Иваном Грозным в чистом виде, ее проявления наслаиваются на субстратегию апелляции к личному авторитету и субстратегию апелляции к традиции, поскольку сопоставление первого рус-

ского царя с наиболее почитаемыми русскими правителями, которые ценны для всех православных, задает оценку и самого Грозного (см. подробнее п. 1.1). Усиление данной линии проявляется и в попытках Грозного «составить» свою родословную и провести аналогию между собой и римскими императорами (см. п. 1.4), моральный и властный авторитет которых очень высок, особенно в глазах иностранных правителей.

3. Стратегия рационализации призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимизации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т.д.) [23. С. 103]. Обозначенная стратегия достаточно редко используется Иваном Грозным, поскольку для его дискурсивного поведения, во многом обусловленного спецификой эпохи, характерна апелляция не столько к разуму, сколько к вере. Христианство предполагает веру, не требующую доказательств, поэтому указание на божественную природу царской власти вполне достаточно, с точки зрения Грозного, для обоснования законности царской власти и правомерности любых его решений и поступков. Поэтому нет необходимости в выстраивании сложной системы аргументов и использовании столь актуальных для современной политической легитимизации субстратегий цели, инструмента, результата, разъяснения и предсказания (см. подробнее [10, 31]). На эту особенность индивидуального стиля Ивана Грозного указывал и Д.С. Лихачев, отмечая, что, доказывая «свое право казнить и миловать своих подданных», «доказательств этого права он почти не предъявлял. Он требовал верить ему в этом и бранил противников» [35].

Кроме того, обосновывая свое право на власть, Грозный активно апеллирует не к разуму, а к эмоциям адресата, что проявляется в многочисленных риторических вопросах, восклицательных предложениях, драматизации, использовании эмоционально-окрашенной лексики: *Или убо сие свѣтъ, яко попу и прегордымь лукавымь рабомь владѣти, царю же токмо председаниемь и царскою честию почтенну быти, властию же ничимь же лучши быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царство и владѣти, рабомь же рабская содержати повеленная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строит?* (Курб., 1). Подобные особенности риторики Грозного ставят под сомнение высказанный Л.Н. Синельниковой тезис о том, что «перемещение эмоций в мир политики – одна из **современных** тенденций (выделено нами. – О.К.), проявленных в дискурсе власти» [25. С. 11].

Сказанное позволяет сделать вывод, что стратегия рационализации занимает в посланиях Ивана Грозного периферийное положение, значительно уступая иным стратегиям.

4. Мифопоэтическая стратегия обращена к рудиментам мифопоэтического сознания и реализуется через субстратегии поучительного рассказа, апокрифического рассказа, повествования с ярко выраженной сюжетной линией и символического повествования (см. подробнее Т. Leeuwen [31], А.В. Колмогорова [10]). В посланиях Ивана Грозного данную стратегию можно назвать мифопоэтической достаточно условно, так как все рассказы подобного типа связаны с отсылками не столько к мифу в его клас-

сическом понимании, сколько к христианским сюжетам, что обусловлено религиозным характером средневековой культуры. Наибольшее распространение получили две первые субстратегии.

4.1. Субстратегия *«Поучительный рассказ»* реализуется в историях, когда протагонист действует согласно социальной модели-объекту легитимизации и получает за это награду. Чаще всего подобная субстратегия используется Иваном Грозным для обоснования правомерности собственной жестокости к подданным, в текст послания включаются отсылки к историям из жизни правителей прошлого, жестоко наказывавших тех, кто преступил закон, например истории императора Константина и князя Федора Ростиславича. Последующее причисление таких правителей к лику святых является дополнительным аргументом, оправдывающим для Грозного и его адресатов подобные действия: *Вспомяни же и в царѣхъ великого Константина: како царствия ради сына своего, рожденнаго от себе, убилъ есть. И князь Феодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, в Смоленсѣ на Пасху колики крови пролиять есть. И во святыхъ причитаются... Всегда бо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же яримъ* (Курб., 1).

4.2. Субстратегия *«Апокрифический рассказ»* проявляется в том, что протагонист действует вопреки социальной модели-объекту легитимизации, что приводит к достаточно печальным последствиям. Примеры использования этой субстратегии связаны с обоснованием Иваном Грозным необходимости единоличной царской власти и недопустимости разделения властных полномочий царя с советниками: боярами и священнослужителями.

Свои аргументы правитель подкрепляет ссылками на историю Византии и на Ветхий Завет, демонстрируя печальную участь тех стран, где отошли от установленного Богом порядка вещей: *Нигдѣ же бо обрящещи, еже не разоритися царству, еже от поповъ владому. Ты же почто ревнуеши – иже во грещехъ царствие погубиша и туркомъ повинующимся? Сию убо погибель и намъ совѣтуеши?* (Курб., 1); *Вспомяни же, егда Богъ извождаше Израиля из работы, егда убо священника постави владѣти людьми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати же ему не повелѣно, Аарону, брату его, повелѣ священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскии строи, тогда от Господа люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити* (Курб., 1).

Выводы

1. В целом в произведениях Ивана Грозного представлены практически все типы стратегий, выделенных Т.В. Левеном применительно к современному материалу, что свидетельствует об их древности и эффективности, позволяющей результативно использовать сформировавшиеся в прошлом

стратегии до наших дней, но с некоторой поправкой на лингвокультурную ситуацию изучаемого периода.

2. Специфической особенностью всех стратегий и субстратегий легитимизации в посланиях Ивана Грозного является их религиозная характеристика, что обусловлено как спецификой эпохи, когда христианство являлось основой русской ментальности и русская культура имела религиоцентрический характер, так и особенностями биографии и личности автора – Иван Грозный не просто первым венчался на царство, но первым получил поддержку русской церкви и вышестоящего Константинопольского патриархата. Подтверждение легитимности из рук церкви стало одним из залогов формирования самодержавия, и Иван IV был «первым из московских государей, кто узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия» [34. С. 6]. Таким образом, сакрализация собственной власти стала главной коммуникативной задачей первого российского царя, именно священная природа власти постулировалась в его идеологической концепции одним из главных факторов легитимности.

3. Религиозная составляющая представлена во всех используемых Иваном Грозным стратегиях легитимизации: 1) в стратегии *Ссылка на авторитет* главным авторитетом и залогом легитимности выступают Бог, а также предки Грозного, в большинстве своем причисленные к лику святых, кроме того, регулярны апелляции к институту Церкви и закону Божию; 2) в стратегии *этической оценки* легитимизация осуществляется в соответствии с моральными ценностями христианства и оценивание базируется на оппозициях «православное» – «безбожное», «праведное» – «греховное»; 3) в мифопоэтической стратегии легитимизация реализуется через отсылки к сюжетам из Ветхого и Нового Заветов. Кроме того, показательна в этом отношении и незначительная роль *стратегии рационализации*, так как для религиоцентрической культуры характерна апелляция не к разуму, а к безоговорочной вере.

Перечисленные особенности, характеризующие описанные стратегии и субстратегии легитимизации, позволяют говорить о формировании в посланиях Ивана Грозного особого типа легитимизации – «сакральной легитимизации». Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем исследовании стратегий легитимизации в историческом аспекте, в частности в изучении в подобном ракурсе материалов российских правителей разных эпох.

Литература

1. *Исаев И.А.* *Politica hermetica: скрытые аспекты власти.* М. : Юрист, 2002. 412 с.
2. *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической легитимации : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2003. 314 с.
3. *Пономарев Н.Ф.* Стратегии и технологии медиалегитимизации власти. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. 192 с.
4. *Скорняков А.В.* Проблема легитимации власти в средневековой европейской политической мысли: Запад и Русь : дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003. 179 с.
5. *Чупина А.А.* Легитимация политических решений в коммуникативном дискурсе общества и власти : дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2011. 171 с.

6. *Экономика и право*: большой толковый словарь-справочник. М. : Вуз и школа, 2003. 866 с. URL: <https://determiner.ru/slovari/kurakov.html> (дата обращения: 12.10.2019).
7. *Cap P.* Language and legitimization: Developments on the proximization model of political discourse analysis // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2005. № 1. P. 7–36.
8. *Fairclough N.* Analysing discourse textual analysis for social research. London : Routledge, Taylor & Francis, 2003. 270 с.
9. *Vaara E., Tienari J.* A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985–993.
10. *Колмогорова А.В.* Легитимизация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // *Политическая лингвистика*. 2018. № 1 (67). С. 33–40.
11. *Fairbrother G.P., Zhao Zh.* Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse // *Journ. of Chinese Political Science*. 2016. Vol. 21. P. 417–434. DOI: 10.1007/s11366-016-9435-x.
12. *Sadeghia B., Hassanib M., Jalalic V.* Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 98. P. 1580–1589. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.03.581.
13. *Liguori M., Steccolini I.* The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians “talk” accounting // *The British Accounting Review*. 2017 (in press). DOI: 10.1016/j.bar.2017.09.006.
14. *Thylen K.* Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. P. 325–347. DOI: 10.1007/s12286-017-0334-0.
15. *Ross A.S., Rivers D.J.* Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates // *Discourse, Context and Media*. 2017. Vol. 16. P. 1–11. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>
16. *Геворгян М.В.* Реализация стратегии легитимизации действий (на материале американских статей, посвященных конфликту в Сирии, 2013) // *Сибирский филологический журнал*. 2013. № 4. С. 226–229.
17. *Рядовая Н.С.* Аргументативные стратегии политического дискурса в кризисной ситуации // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2013. № 31. С. 40–47.
18. *Голубева Т.М., Поскребышева Т.А.* Языковые и риторические средства делегитимизации России и Сирии в речи представителей США при ООН // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 4(70) : в 2 ч. Ч. 1. С. 68–70.
19. *Голубева Т.М.* Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 392–396.
20. *Голубева Т.М.* Прагмалингвистические параметры легитимизации в политическом дискурсе (на материале выступления Д. Кэмерона) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2015. № 3 (27). С. 52–61.
21. *Савельева И.В.* Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология*. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 188–198. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6- 188-198.
22. *Игнатова Ю.С.* Метафорическая делегитимизация результатов выборов в дискурсе политологов (на материале текстов В.Б. Пастухова) // *Лингвополитическая персоналогия: дискурсивный поворот / отв. ред. Н.Б. Руженцева*. Екатеринбург, 2019. С. 100–103.
23. *Колмогорова А.В.* Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиaprостранстве // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018. № 2 (13). С. 99–117.
24. *Doudaki V.* Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse // *Javnost – The Public*. 2015. № 22 (1). P. 1–17. DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284.

25. Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 10–15.
26. Бачинская Н.А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический Текст (послание Стефану Баторию 1581 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 159–165.
27. Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. № 1. С. 159–174.
28. Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 715 с.
29. Толчев И.А. Отражение взглядов Ивана Грозного на власть в социально-политической практике Московского государства 40–80-х гг. XVI в. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 238 с.
30. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3. М.: Голос, 1993. 758 с.
31. Leeuwen van T. Legitimation in Discourse and Communication // Discourse and Communication. 2007. № 1. P. 91–112.
32. Reyes A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions // Discourse & Society 22.6. 2011. P. 781–807.
33. Иванов А.А. Эволюция форм легитимации власти в истории древнерусского государства // Современные проблемы гуманитарных наук глазами студентов и преподавателей негуманитарного вуза. 2014. URL: <http://econf.rae.ru/article/8717> (дата обращения: 05.01.2020).
34. Шапошник В.В. Штрихи к портрету первого царя // Здоровье – основа человеческого потенциала : проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11. С. 44–54.
35. Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию (сочинения царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2001. Т. 11: VI век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8868>

Strategies for Legitimization of the Royal Power in Old Russian Publicism (On the Material of the Letters of Ivan the Terrible)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 74–90. DOI: 10.17223/19986645/72/4

Olga N. Kondratyeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kondr25@rambler.ru / Olnik25@mail.ru

Keywords: legitimization, strategies of legitimization, communicative strategies, old russian publicism, Ivan the Terrible.

The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Kemerovo Region Administration, Grant No. 18-412-420003 p_a.

The article presents an experience of a linguistic consideration of the problem of legitimization in a historical foreshortening. The material of the research was the heritage of one of the brightest characters of the Russian history – the first Russian Tsar Ivan the Terrible, in particular, his letters to Andrey Kurbsky, the Swedish king Juhan III, the Polish king Stefan Batory, the English queen Elizabeth, i.e. texts in which questions of legitimacy of power are discussed and strategies for its legitimization are actively used. In Ivan the Terrible's letters, power is legitimized; namely, its divine nature and the resulting right of the ruler to individual government (autocracy), to his political line, the morally justified right of the tsar to cruelly punish for harm, to strike sinners similarly to the Divine thunderstorm are postulated. Legitimization of any object as macrostrategy is performed through a number of discourse

strategies. T. van Leeuwen has allocated four basic ways of legitimizing one's actions: 1) reference to authority; 2) moral evaluation; 3) rationalization; 4) mythopoetics. Ivan the Terrible uses all of them in his letters, but these strategies possess a specific character caused both by the epoch, and the language personality of the first Russian tsar. The main feature of all the strategies and substrategies of legitimization in Ivan the Terrible's letters is their religious characteristic: 1) in the strategy of reference to authority, the main authority and the guarantor of the legitimacy of imperial authority is God, as well as Ivan the Terrible's ancestors, most of them were canonized; appeals to the institution of the Church and God's law are also regular; 2) in the strategy of moral evaluation, legitimization it is carried out according to the moral values of Christianity, and evaluation is based on oppositions *Orthodox–infidel, righteous–sinful*; 3) in the mythopoetic strategy, legitimization is realized through references to plots from the Old and the New Testament. The insignificant role of the strategy of rationalization is indicative since for a religion-centered culture it is characteristic to appeal to unconditional faith, not to reason. The listed features of the described strategies and substrategies of legitimization make it possible to speak about the formation of a special – sacral – type of legitimization in Ivan the Terrible's letters.

References

1. Isaev, I.A. (2002) *Politica hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica hermetica: hidden aspects of power] Moscow: Yurist.
2. Zavershinskiy, K.F. (2003) *Simvolicheskie struktury politicheskoy legitimatsii* [Symbolic structures of political legitimization] Political Science Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Ponomarev, N.F. (2010) *Strategii i tekhnologii medialegitimizatsii vlasti* [Strategies and technologies of media legitimization of power]. Perm: Perm State University.
4. Skornyakov, A.V. (2003) *Problema legitimatsii vlasti v srednevekovoy evropeyskoy politicheskoy mysli: Zapad i Rus'* [The problem of legitimizing power in medieval European political thought: West and Russia]. Political Science Cand. Diss. Yekaterinburg.
5. Chupina, A.A. (2011) *Legitimatsiya politicheskikh resheniy v kommunikativnom diskurse obshchestva i vlasti* [The legitimization of political decisions in the communicative discourse of society and government]. Sociology Cand. Diss. Saratov.
6. Kurakov, L.P., Kurakov, V.L. & Kurakov, A.L. (2003) *Ekonomika i pravo: bol'shoy tolkovyy slovar'-spravochnik* [Economics and law: a large explanatory dictionary]. Moscow; Cheboksary: Vuz i shkola. [Online] Available from: <https://determiner.ru/slovari/kurakov.html> (Accessed: 12.10.2019).
7. Cap, P. (2005) Language and legitimization: Developments on the proximization model of political discourse analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*. 1. pp. 7–36.
8. Fairclough, N. (2003) *Analysing discourse textual analysis for social research*. London: Routledge, Taylor & Francis.
9. Vaara, E. & Tienari, J. (2008) A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*. 33. pp. 985–993.
10. Kolmogorova, A.V. (2018) Legitimization as a sociopolitical phenomenon and object of discourse analysis. *Politicheskaya lingvistika –Political Linguistics*. 1 (67). pp. 33–40. (In Russian).
11. Fairbrother, G. P. & Zhao, Zh. (2016) Paternalism, National Citizenship, and Religiosity in Chinese State Legitimation Discourse. *Journal of Chinese Political Science*. 21. pp. 417–434. DOI: 10.1007/s11366-016-9435-x
12. Sadeghia, B., Hassanib, M. & Jalalic, V. (2014) Towards (De-)legitimation Discursive Strategies in News Coverage of Egyptian Protest: VOA & Fars News in Focus. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 98. pp. 1580–1589. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.03.581.
13. Liguori, M. & Steccolini, I. (2017) The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians “talk” accounting. *The British Accounting Review*. DOI: 10.1016/j.bar.2017.09.006.

14. Thyen, K. (2017) Promising democracy, legitimizing autocracy? Perceptions of regime democraticness among university students in Morocco. *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 11. pp. 325–347. DOI: 10.1007/s12286-017-0334-0.

15. Ross, A. S. & Rivers, D. J. (2016) Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S. Presidential candidates. *Discourse, Context and Media*. 16. pp. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>

16. Gevorgyan, M.V. (2013) The Realization of the Actions Legitimization Strategy (On the Basis of American Articles about the Syrian Conflict, 2013). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 226–229. (In Russian).

17. Ryadovaya, N.S. (2013) Argumentativnye strategii politicheskogo diskursa v krizisnoy situatsii [Argumentative strategies of political discourse in a crisis situation]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. 31. pp. 40–47.

18. Golubeva, T.M. & Poskrebysheva, T.A. (2017) Language and Rhetorical Means of Delegitimization of Russia and Syria in the Speech of the USA Representatives in the United Nations. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 4(70):1. pp. 68–70. (In Russian).

19. Golubeva, T.M. (2016) Linguistic Parameters of the Strategy of Legitimizing the European Union and Delegitimizing B. Al-Assad in the British Political Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 16 (4). pp. 392–396. (In Russian).

20. Golubeva, T.M. (2015) Pragmalinguistic Parameters of Legitimization in the Political Discourse (The Case of D. Cameron's Speech). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 3 (27). pp. 52–61. (In Russian).

21. Savel'eva, I.V. (2019) Legitimization Mechanisms in the Media Discourse (A Case Study of the New Media). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. Zhurnalistika. – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 18 (6). pp. 188–198. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198

22. Ignatova, Yu.S. (2019) Metaforicheskaya delegitimizatsiya rezul'tatov vyborov v diskurse politologov (na materiale tekstov V.B. Pastukhova) [Metaphorical delegitimization of election results in the discourse of political scientists (based on the texts of V.B. Pastukhov)]. In: Ruzhentseva, N.B. (ed) *Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivnyy povorot* [Linguopolitical personology: discursive turn]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 100–103.

23. Kolmogorova, A.V. (2018) Diskursivnye strategii legitimatsii odnopolykh brakov v rossiyskom mediaprostranstve [Discursive strategies for legitimizing same-sex marriage in the Russian media space]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 2 (13). pp. 99–117.

24. Doudaki, V. (2015) Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse. *Javnost – The Public*. 22 (1), p. 1–17. DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284

25. Sinel'nikova, L.N. (2015) Diskurs vlasti: ot legitimizatsii do manipulyatsii [The discourse of power: from legitimization to manipulation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 1 (67). 4. pp. 10–15.

26. Bachinskaya, N.A. (2011) Diplomatic letters of Ivan the Terrible as political essays (epistle to Stephen Bathory of 1581). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika. Literaturnaya kritika – RGGU Bulletin. Journalism. Literary Criticism Series*. 6(68). pp. 159–165. (In Russian).

27. Chernyshov, S.A. (2019) Ivan the Terrible – Chinggis Khan's or Augustus's Descendant: Legitimization of the Supreme Authority of the Moscow Tsardom in

Communication Practices of the 15th–16th Centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 1. pp. 159–174. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

28. Adrianova-Peretts, N.V. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Letters of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

29. Tolchev, I.A. (2010) *Otrazhenie vzglyadov Ivana Groznogo na vlast' v sotsial'no-politicheskoy praktike Moskovskogo gosudarstva 40-80-kh gg. XVI v.* [Reflection of Ivan the Terrible's views on power in the sociopolitical practice of the Moscow state of the 1540s–1580s]. History Cand. Diss. Orenburg.

30. Solov'ev, S. M. (1993) *Sochineniya* [Writings]. Book 3. Moscow: Golos.

31. Leeuwen, van T. (2007) Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse and Communication*. 1. pp. 91–112.

32. Reyes, A. (2011) Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions. *Discourse & Society*. 22.6. pp. 781–807.

33. Ivanov, A.A. (2014) Evolyutsiya form legitimatsii vlasti v istorii drevnerusskogo gosudarstva [The evolution of forms of legitimation of power in the history of the ancient Russian state]. In: *Sovremennye problemy gumanitarnykh nauk glazami studentov i prepodavateley negumanitarnogo VUZa* [Modern problems of the humanities through the eyes of students and teachers of a non-humanitarian university]. [Online] Available from: [Online] Available from: <http://econf.rae.ru/article/8717> (Accessed: 05.01.2020).

34. Shaposhnik, V.V. (2016) [Strokes to the portrait of the first tsar]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya – Health – The Base of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them*. Proceedings of the Conference. Vol. 11 (1). St. Petersburg. pp. 44–54. (In Russian).

35. Likhachev, D.S. (2001) Na puti k novomu literaturnomu soznaniyu (sochineniya tsarya Ivana Groznogo i knyazya Andrey Kurbskogo) [On the way to a new literary consciousness (writings of Tsar Ivan the Terrible and Prince Andrey Kurbsky)] In: Likhachev, D.S. (ed) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 11: 16th Century. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkin-skijdom.ru/Default.aspx?tabid=8868> (Accessed: 19.09.2019).